

УДК 82-92:82.161.1.0(07)

«РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ИМЕЕТ СВОЙ СТИЛЬ...»
АПОЛОГИЯ ПРОВИНЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ 1910-Х ГОДОВ
(ПЕРМСКИЙ ЖУРНАЛИСТ ЧУБИН-ЧЕРНОМОР)

© 2010 В.В. Абашев, М.П. Абашева

Пермский государственный университет

Поступила в редакцию 6 ноября 2009 года

Аннотация: *Статья впервые вводит в научный оборот литературно-критические материалы, опубликованные в газете «Пермские губернские ведомости» в 1910-е годы под именем «Чубина». В корпусе его текстов последовательно реализована литературно-критическая и общественная концепция, которую можно определить как «просвещенное почвенничество».*

Ключевые слова: *литературная критика, газета «Пермские губернские ведомости», провинция, критика либерализма.*

Abstract: *The article introduces into scientific circulation the works of literary criticism, published in the newspaper «Permskiye Gubernskiye Vedomosti» (Perm Province Gazette) in the 1910-s under the name of «Chubin». The texts sequentially implement the social and literary-critical concept which may be defined as «enlightened nationalist trend».*

Key words: *literary criticism, «Permskiye Gubernskiye Vedomosti» (Perm Province Gazette), province, critics of liberalism.*

В настоящей статье речь пойдет об одном из многих провинциальных литераторов, незамеченных ни историей русской литературы, ни историей журналистики. Единственное, что на сегодняшний день известно об этом человеке — около четырех десятков статей и заметок, опубликованных в газете «Пермские губернские ведомости» (далее ПГВ) в 1913 и 1914 гг. под инскриптами: «Чубин», «Ч-ин», «Черномор» и «Ч-ор». Концептуальная и стилистическая близость этих публикаций несомненна. Даже беглое знакомство с текстами убеждает, что они принадлежат перу одного человека. Однако установить личность автора вряд ли удастся — архив редакции ПГВ утерян [1].

Тем не менее, статьи Чубина обладают существенной историко-литературной ценностью. Они привлекают выверенностью общественно-

политических, культурных, литературно-критических взглядов журналиста, самостоятельностью его позиции — и в то же время ее обусловленностью умонастроениями русской провинции начала XX столетия. В цикле статей этого автора ярко отразился рост культурного самосознания провинциальных земель России.

Уже отмечалось, что на рубеже 1900-х-1910-х годов в пермской периодике активно формируется профессиональная литературная критика [2]. При этом следует подчеркнуть, что газета начала XX века и газета современная принципиально различны. Современному читателю трудно даже представить, какое место занимала на страницах газеты литературная жизнь: тогда небольшой рассказ Л. Андреева мог спровоцировать длительную всероссийскую полемику, а каждый поступок и слово Горького мгновенно становились всеобщим достоянием. Газета начала века была органиче-

---

© Абашев В.В., Абашева М.П., 2010

ской частью литературоцентрически организованной культуры. Именно газетная литературная критика более адекватно отражала точку зрения, вкусы и круг чтения читательской массы.

Прежде всего следует заметить, что провинциальная газета в начале столетия отнюдь не чувствовала себя провинциальной в том уничтожительном смысле слова, который нередко сообщается ему сегодня. Если современная региональная газета (пермская пресса – тому яркий пример) сознает себя провинциальной и строит себя как сугубо провинциальное, замкнутое в узком горизонте места издание, то в начале века дело обстояло иначе. Те же ПГВ были открыты в общее культурное пространство России и Европы и именно в такой открытости себя конституировали. Приведем лишь один, но красноречивый пример. В октябре 1909 года ПГВ печатают обширную статью об итальянском футуризме, где весьма внятно изложена программа только что оформившегося движения. Материал, что называется, взят из первых рук: автор статьи цитирует обширный фрагмент «Первого манифеста футуристов» Ф. Т. Маринетти. И это если и не первая, то, по крайней мере, одна из первых публикаций Маринетти на русском языке. Пермский журналист описывает зарождающийся футуризм не только внятно, но и весьма сочувственно. Его увлекает пафос энергии и силы, которым заряжено новое культурное движение. Для нас важно то, что автор обстоятельно обсуждает итальянский футуризм в пермской газете – и ни ему, ни редактору, публикующему такой «экзотический» материал, не приходит в голову усомниться в уместности такой публикации. Газета осознает себя как часть общего культурного пространства. Примеры легко умножить. Не было в русской литературе того времени сколь-нибудь значимого имени, которое бы так или иначе не прозвучало на страницах пермской печати.

Пермская газета при этом не просто пассивно отражала литературный процесс, что уже само по себе было бы значительно. Постепенно она становилась органом культурного самосознания провинции. К началу 1910-х годов уже можно констатировать наличие местной профессиональной литературной критики. Анализ литературно-критических материалов пермской печати (прежде всего ПГВ) открывает наблюдателю интенсивный культурный процесс, в котором провинция постепенно формировалась как творчески продуктивная часть общероссийского культурного пространства. Часть вполне самостоятельная и потенциально богатая возможностями развития. Без учета этих газетных материалов представить реальное многообразие культурной жизни начала XX века невозможно.

В местной литературной критике 1910-х годов наиболее интересны и культурно значимы две фигуры. Сергей Виноградов – «светлый рыцарь Поэзии», как его характеризовал Василий Каменский, и герой этой статьи Чубин, точная идентификация личности которого, к сожалению, вряд ли возможна. Если литературно-критическая позиция С. Виноградова в значительной степени представляет собой адаптированный вариант эстетической символистики ориентированной критики [3], то фигура Чубина в идейном плане выглядит более самостоятельной и по проблематике более симптоматичной.

Литературно-критические выступления Чубина касались узловых проблем культурно-исторического развития России. Высокая степень самостоятельности, с какой пермский критик-публицист эти проблемы ставил и решал, свидетельствует как раз о том, что российская провинция в 1910-е гг. переставала быть только «сырьевым придатком» центра национальной культуры, а обретала в ней собственный голос и вес.

У Чубина было главное из того, что делает критика и публициста значительным. При всем многообразии внешних поводов все им написанное объединено своей собственной – «долгой» – мыслью, организовано большой темой, в рамках которой осмысливаются подробности культурной и общественной жизни. Будь то международная выставка в Лондоне или «Письма о театре» Л. Андреева, героическое поведение русских моряков в Мессине или появление манифестов акмеизма в журнале «Аполлон» – в отклике на эти события Чубин неизбежно выходит на мысль о крахе иллюзий сознания либеральной интеллигенции, о ее оторванности от национальной почвы. Чубин предвосхищает классическую формулу интеллигентского сознания Г. П. Федотова: «беспочвенная идейность». Да, эти рассуждения связаны с тематикой «Вех», с публицистикой В. Розанова, но они лично выношены и по-своему, оригинально, поставлены. В постановке проблемы интеллигенции у Чубина есть типологически новый поворот и акценты. Благодаря этому в вечной русской теме высвечиваются новые аспекты, неявные у других, даже «больших» авторов этого времени. Склонность к решительному высказыванию и внятному проговариванию позиции выявляет вполне оригинальный интеллектуальный профиль пермского критика.

Его критика левой либеральной интеллигенции вырастает в критику романтической концепции русской духовности и романтики как иллюзорного мироотношения, не укорененного в национальной почве. В проекции на развитие литературы эта позиция реализуется как критика субъективистского искусства, образующего единую линию развития: от романтизма 1830-х годов до декадентства и символизма 1890-х-1900-х и футуризма 1910-х.

Подлинная оригинальность Чубина выявляется в том, что свою критику интеллигентского романтического сознания он сопровождает своеобразной апологией «мещанства» как социального и культурного явления. Чубин последовательно настаивает на мысли, что интеллигентски романтический жупел «мещанства» маскирует «подлинную реальную жизнь» [4], что мещанство в его романтической трактовке как воплощение пошлого и бездуховного существования — это, в сущности, фикция интеллигентского сознания, маскирующая его бытовую «никчемность» и неспособность к творческой жизни в повседневности. Тем самым пермский критик разоблачает, деконструирует один из концептов культуры «серебряного века», объединивший в исполненном нищешанской брезгливости к человеческому, слишком человеческому, таких разных художников, как Горький и Мережковский, Маяковский и Цветаева, и унаследованном советской культурой. По логике мысли Чубина, упорно идущего наперекор этой тенденции, именно «обывательщина», эта здоровая и богатая творческими возможностями повседневность, являет собой источник подлинной поэзии [5]. Ведь сама «русская повседневность имеет свой стиль, своё лицо, свои ярко выраженные черты» [6].

Поэтому исторически понятная и уместная на почве западной цивилизации поэзия романтического эскапизма, современные примеры которой критик находит в творчестве Джека Лондона и Кнута Гамсуна, для России, по его мнению, не только чужда, но даже вредна. Романтическому бегству от быта Чубин противопоставляет поэзию русской действительности, требующей приложения творческой созидательной энергии. В этих тезисах Чубин поднимается до подлинного пафоса: будущее России требует «напряжения национальной энергии, в которой больше творческой красоты, чем в романтических легендах» [7]. В связи с этим традиционному рефлексированному герою русской литературы Чубин противопоставляет современную потребность в деятельном, творческом человеке: «русская литература должна уловить действенность русского человека, а не застревать на душевных туманностях. Рудинство и утверждение этого туманного психологизма — две стороны одного явления, называемого никчемностью» [8].

Закономерно в литературно-критическую публицистику Чубина входит тема провинции, которую он рассматривает как средоточие здоровых начал национально-исторической жизни. С темами провинции и мещанства органично увязывается у него критика Чехова, а точнее, «чеховщины» — как варианта интеллигентского мироотношения, пасующего перед действительностью. По мнению Чубина, современный культурный и

хозяйственный подъем провинциальной жизни опровергает чеховский взгляд на провинцию [9].

В совокупности своих аспектов историческая и литературно-критическая концепция Чубина представляет собой вполне оригинальное явление интеллектуальной жизни России 1910-х гг. Она выстраивается, в сущности, как последовательная критика конститутивных аспектов культуры 1900-х годов и связана с утверждением перспективы культурного и хозяйственного подъема российской провинции. Взгляды Чубина без особой натяжки можно определить как идеологию культурного роста провинции, в которой идеи традиционализма и модернизации образуют некий привлекательный сплав. Конечно, эта позиция отражала одну из типичных для 1910-х годов тенденций, но сформулирована она у Чубина вполне оригинально. Исторически, как мы знаем, возобладала иная, противоположная, тенденция: «мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем».

Перечитывая сегодня публицистику никому неведомого провинциального критика, поражаешься исторически неразрешимой повторяемостью российских тем и проблем — все это по-прежнему звучит актуально в контексте сегодняшних споров о модернизации России, в свете «заката» либеральной идеи и «правого поворота» в политике. В литературе XXI века на предпочтения Чубина неожиданно отзывается набирающая силу тенденция «социальной поэзии» Всеволода Емелина, Василия Пуханова, Андрея Родионова, мрачноватая проза нового реализма — Захара Прилепина, Романа Сенчина и др. (с той разницей, что у последних нет чубинского одновременно и простодушного, и просвещенного оптимизма в отношении к национальному бытию).

Публикации Чубина — внятное выражение вполне самостоятельной и оригинальной позиции просвещенного почвенничества — увы, практически недоступны современному читателю. Поэтому представляется целесообразным поместить здесь аннотированную нами библиографию наиболее характерных публикаций этого литературного критика.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АННОТИРОВАННЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК СТАТЕЙ И ЗАМЕТОК ЧУБИНА (Ч-НА, ЧЕРНОМОРА, Ч-ОРА) В ГАЗЕТЕ «ПЕРМСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» (1913-1917)

1. Черномор. Современный романтизм // ПГВ. — 1913. — 3 янв. (№ 2). — С. 3.

Романтическое стремление вернуться к стихии естественной жизни (Кнут Гамсун, Джек Лондон) оправдано в «западноевропейских странах,

где материалистические побуждения — главные пружины человеческой личности, где понятие «идеализм» — пустой звук». В России же «идеализм <...> берёт свои соки из национального сознания, из осознания особенного <...> исторического развития русской народности. При такой общественной идеологии творчество русского художника не должно и не может черпать свои силы из романтических песен Европы; для него есть другие источники. Это — источники разворачивающейся во всю ширь естественно природных и национальных условий культуры». Будущее России требует «напряжения национальной энергии, в которой больше творческой красоты, чем в романтических легендах несомненно талантливых, но чуждых нам Кнута Гамсуна и Джека Лондона».

2. Черномор. Умер ли быт? // ПГВ. — 1913. — 22 янв. (N 18). — С. 2.

Автор оспаривает характерное для «интеллигенции кадетского толка» мнение об «исчезновении быта из нашей жизни» (статья в «Речи»), о том, что «общечеловеческая культура внедрилась в русскую жизнь, вытеснила оттуда всё характерное, индивидуальное, национальное, то есть бытовое». Напротив, «печать национальности» лежит не только на «выработанных русским народом идейных ценностях, на русской науке, на русском искусстве». Сама «русская повседневность имеет свой стиль, своё лицо, свои ярко выраженные черты». Но левая интеллигенция оторвана от национального быта, она видит жизнь сквозь призму абстрактных идеологических схем. Между тем «ходячей абстракцией является общеевропейский человек, подлинной реальностью — человек русский, и та среда, в которой он живёт, то есть тот быт, который его окружает».

3. Чубин. Сентиментальный гуманизм и хулиганство // ПГВ. — 1913. — 7 марта (N 52). — С. 2.

Рассуждая о хулиганстве как о социальном явлении, автор констатирует противоречивость позиции либеральной прессы. Антиобщественный характер босячества стал для всех очевидным, и «образ хулигана перестал вдохновлять даже самых ярых романтиков русской литературы».

4. Черномор. Новые литературные течения // ПГВ. — 1913. — 14 апр. (N 82). — С. 5.

В связи с появлением манифестов акмеизма в журнале «Аполлон», автор обращается к истории русского символизма и анализирует причины его «вырождения». Русский символизм, связанный с идеями А. Григорьева, поэзией Ф. Тютчева и А. Фета, был более близок немецкому романтизму. На русской почве он привился как выражение индивидуализма интеллигенции, стремящейся «творить легенду из кусков жизни». Автор статьи считает, что стремление акмеистов «приблизиться к матери-земле», «прислушаться к голосу жизни» вызвано протестом

против самодовлеющего эстетизма и индивидуализма, возобладавших в символизме, несмотря на художественный талант А. Блока и В. Брюсова.

5. Черномор. Русская литературная критика // ПГВ. — 1913. — 14 мая (№ 59). — С. 2.

«Русская литературная критика всегда отличалась таким своеобразием, которое <...> совершенно изменяло <...> смысл ее основной цели — оценки художественных произведений <...>. Она преподносила рецепты морали, занималась изложением всяких утопических идей <...>. Новый роман <...> служил лишь поводом для того, чтобы расшить <...> узор воззрений из различных областей духа. Тут можно встретить сколки из социологии, этики, а иногда популяризованную мысль из области естествознания». В результате у Писарева, Добролюбова, Шелгунова, Михайловского литературная критика «создала особый вид дилетантизма. Критика стала не эстетическим исследованием, а энциклопедией оппозиционности <...>. [Литературная критика] заменила подлинную науку, подлинную философию для так называемой левой интеллигенции». Показательно, что воззрения А. Григорьева были встречены в свое время протестами, что лишь в 1900-е годы появились ростки эстетической критики у Вяч. Иванова, Андрея Белого. И все же собственно литературно-художественная критика «представляет редкое явление», нельзя же к ней отнести исследование психологии творчества в работах Д. Овсянко-Куликовского. Однако и тенденциозная критика переживает упадок. Это связано с тем, что ее функции усвоила литература: «те публицистические диалоги, которые ведут ее герои, то «мировоззрение», которое они раскрывают, ведь по существу та же публицистика». Современная литература «впитала индивидуалистические доктрины Запада и вложила их в уста своих героев».

6. Черномор. Русская литература и культура города // ПГВ. — 1913. — 28 мая (N 110). — С. 3.

В отличие от английской и французской (Бальзак, Диккенс) «русская художественная мысль не выработала нового понимания города; она еще и теперь под углом зрения деревенской наивности <...> милых тургеневских усадеб подходит к ничему общего с ними не имеющему городскому шуму». Для нее более характерны антиурбанистические мотивы у Ф. Достоевского, А. Чехова, Л. Андреева, Г. Успенского, Н. Златовратского. Увлечение особой красотой города есть в декадентской поэзии, но и здесь городские мотивы не оригинальны, а навеяны Бодлером.

7. Черномор. Анатолий Франс // ПГВ. — 1913. — 19 июля (N 153). — С. 2-3.

Очерк творчества писателя (в связи с его пребыванием в Петербурге). Отметив утонченный импрессионизм, интеллектуализм и спокойную созерцательность как основные черты творчества

А. Франса, автор замечает: «Русское искусство не знает спокойной созерцательности, составляющей основную черту таланта Франса; русский человек лиричен, и философский роман, где автор оказался бы в стороне от действующих лиц, не привился у нас. Но А. Франс для нас ценен. Он живой укор тем литературным модернистам, которые <...> пытаются охватить пестрое многообразие жизни своими доктринами, часто являющимися крохами западноевропейских учений».

8. Черномор. Хулиган и апаш в литературе // ПГВ. — 1913. — 19 июля (N 153). — С. 3.

Автор очерка сравнивает, как подается тема босячества («бывшие люди») в современной русской литературе и у «отдельных писателей Европы». По его мнению, отказ от героизации босяка, возрастающее внимание к национальному быту и понимание того, что за жупелом «мещанства» стоит «подлинная реальная жизнь», свидетельствуют о постепенном освобождении русской литературы от влияния модернизма. В то же время у таких писателей, как Рони, Бласко Ибаньес, а также в кинематографе наблюдается любование «красочной психологией» босяка и хулигана; эта тенденция идет вразрез с реалистическими традициями Бальзака, Флобера, Мопассана, Золя, но преемственно связана с декадентским тяготением к «изломам души» в творчестве Бодлера, Верлена, Вилье де Лиль-Адана.

9. Черномор. Обывательщина и душевная бескровность // ПГВ. — 1913. — 11 авг. (N 170). — С. 3.

Автор статьи утверждает, что критики, судящие о жизни русской провинции по творчеству А. Чехова, глубоко заблуждаются. «Душевная бескровность» чеховских героев не дает оснований для характеристики русского провинциального быта в целом, это следствие их «личной бездарности». Причем, чеховские «провинциальные нытики» и эпикурействующие столичные денди при всем внешнем различии внутренне близки: они в равной степени далеки от плодотворной почвы национального быта, здоровой и творчески богатой «обывательщины».

10. Черномор. Современная театральная литература // ПГВ. — 1913. — 21 авг. (N 177). — С. 3.

Статья о кризисе драматургии «периода безвременья». Модернистские драмы Л. Андреева и Ф. Сологуба («Заложники жизни») схематичны, их герои напоминают марионеток. В натуралистически-бытовых пьесах Ю. Жуковской, Н. Гё, Т. Щепкиной-Куперник, Рышкова, напротив, типическое заменяется случайным. В современной драматургии обнаруживается общее с кинематографом стремление к «затейливости, занятости сюжета». Выход из кризиса — возвращение к традициям русского реалистического театра.

11. Черномор. Поворот в литературных построениях // ПГВ. — 1913. — 3 сент. (N 186). — С. 2.

В статье отмечены симптомы изживания модернизма в русской литературе: возрождение романа, вытесняющего «миниатюру»; падение читательского интереса к «новейшим» течениям; усиление внимания к традиционному реализму. Исчерпанность модернизма автор объясняет его погоней за быстро меняющимися модными философскими теориями, идейной тенденциозностью и схематизмом образов, отсутствием связи с органической национальной традицией.

12. Черномор. Русский героизм // ПГВ. — 1913. — 16 окт. (N 219). — С. 2.

В связи с самоотверженными действиями русских моряков в Мессине при спасении пассажиров парохода «Вольтурно» автор статьи, ссылаясь на роман «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, сочинения Вл. Соловьева и Г. Сковороды, размышляет о глубинных истоках русского героизма. По его мнению, в русской философии добра в отличие от западноевропейской рационалистической морали отсутствуют соображения о пользе поступка.

13. Черномор. Русская романтика // ПГВ. — 1913. — 29 окт. (N 228). — С. 3.

Обзор новейших историко-литературных работ о романтизме. Автор считает, что повышенный интерес к истории романтизма связан с проблемами современной литературы. Исследования Ф.А. Брауна, В.М. Жирмунского, П.Н. Сакулина «косвенно раскрывают психологическую сущность» русского символизма и декадентства; они обнаруживают связь творчества В. Брюсова, А. Блока, Л. Андреева, Ф. Сологуба с немецким романтизмом. Русский символизм вырос на почве «настроенной романтического склада», воспитанных русскими «защитниками героического романтизма» — В. Одоевским, кружком Н. Станкевича, Т. Грановским, В. Соловьевым.

14. Черномор. Домашний уют // ПГВ. — 1913. — 20 нояб. (N 246). — С. 3.

В связи с сообщениями о международной «выставке домашнего уюта» в Лондоне автор статьи размышляет об изображении семейной жизни в современной литературе. Писатели-индивидуалисты А. Стриндберг, С. Пишбишевский, Г. Ибсен («Гедда Габлер», «Нора»), А. Шницлер («Фрау Беата»), Л. Андреев («Профессор Сторицын»), «Екатерина Ивановна» абсолютизируют кризис семейных ценностей. Однако с точки зрения «органических запросов жизни» семья и дом отнюдь не символ мещанства, а естественная основа бытия, на которой только и можно «собрать распыленную в шумихе <...> толпы человеческую личность».

15. Чубин. Либеральная хандра и национальный энтузиазм // ПГВ. — 1913. — 14 дек. (N 265). — С. 3.

В связи с чествованием Э.Верхарна в Москве и Петербурге автор статьи размышляет об отрыве русской либеральной интеллигенции и литературы от национальной почвы. Патриотический энтузиазм Верхарна резко контрастировал с «оппозиционным брюзжанием» в приветственных речах русских общественных деятелей и литераторов (в частности, Д. Мережковского). Автор считает, что либеральная интеллигенция слишком увлечена поисками отрицательных сторон национального быта, а современная литература оторвана от жизни и сосредоточена на беспочвенных идейных схемах. Напротив, мыслители и писатели XIX-го века А. Пушкин, И. Аксаков, К. Леонтьев, М. Катков, И. Тургенев, Ф. Достоевский «умели вдохновляться своеобразием, оригинальностью русской действительности».

15. Черномор. Победа футуризма // ПГВ. — 1913. — 19 дек.(N 269). — С. 3.

Успех футуризма у широкой публики (той, что «радуется Максу Линдеру и всякой оригинальной затейливости») и оправдание его «умствующей критикой» вызваны, считает автор статьи, подменой ценностных критериев, превращением внешней «оригинальности» в главный критерий оценки художественного явления; иронически отмечено сходство языковых экспериментов футуристов с детским языком.

16. Черномор. Оскудение художественного творчества и механика // ПГВ. — 1914. — 11 янв. (N 8). — С. 2.

Автор статьи сетует на «оскудение» современного искусства и литературы. Оно выражается в «эскизности» письма, в сосредоточенности художника на «мимолетных настроениях» и формальных задачах. Отсутствует «могучий титанический талант, который бы сумел заглянуть далеко-далеко в наши души <...>. Мысль современного писателя <...> остановится на каком-либо явлении, царапнет его или никудышным затхлым левотенденциозным умствованием или сфотографирует его по способу цветной фотографии». Причина такого «оскудения» художественного творчества заключена не столько в том, что современная жизнь сама по себе «оказалась крайне торопливой» и заставила писателя «механически инертно» «скакать за психологическими мигами». Кризис искусства вызван прежде всего «оторванностью нашей современной литературы, современного театра, современной живописи от корней народных».

17. Чубин. Вкус к чтению // ПГВ. — 1914. — 18 янв.(N 14). — С. 2-3.

Автор статьи полемизирует с тем взглядом на книги для детей, что «нравоучение [в них] лишняя вещь, что-то вроде балласта» и что главным требованием к детской литературе должна быть только художественность. Понятие художественности

между тем утратило всякую определенность («и плакаты художественными называются, и всякие танцы») и стало «синонимом всего увлекательного», внешне занимательного. Поэтому «рискован такой рецепт художественности для детского ума». Автор убежден, что «детская литература должна напластывать здоровые понятия и чувства и, следовательно, должна быть прежде всего содержательной, прежде всего в ней должна быть мораль».

18. Чубин. Два слова о современном человеке // ПГВ. — 1914. — 11 марта (N 56). — С. 3.

Автор статьи полемизирует с утверждением Л. Андреева [в «Письмах о театре»], что «жизнь современного человека более углубленно душевная, нежели внешне действенная». Напротив, современный человек — это человек действия, предприниматель. «Теория о психологической пассивности современного человека <...> далека от действительности. Наша народно-хозяйственная жизнь процветает <...> вырастает потребность в создании типа людей энергичных, умеющих вглядываться во все реальные вопросы <...>. Современный человек, а в особенности человек русский, все резче переходит к полезной культурной деятельности <...>. Отходит в область преданий архаический взгляд на деятельность промышленника и торговца. Она поднята до большой культурной высоты». Автор считает, что «русская литература должна уловить действительность русского человека, а не застревать на душевных туманностях. Рудинство и утверждение этого туманного психологизма — две стороны одного явления, называемого никчемностью».

19. Черномор. Ступени // ПГВ. — 1914. — 18 марта (N 62). — С. 2-3.

Автор статьи размышляет о театральных поисках последних лет: новации МХТ, «Жизнь человека» Л. Андреева и «Балаганчик» А. Блока, поставленные Мейерхольдом, театральные взгляды В. Брюсова и Ф. Сологуба, теории монодрамы и театрализации жизни Н. Евреинова. Все эти опыты — «попытки содействовать сценическому воплощению типичности, или, иначе говоря, сценическому реализму». Однако современная драматургия лишь подтвердила старую истину, что «стихия театра живет не в режиссерской затейливости, не в выдумках сценической техники, а живет она в поэте-авторе пьесы и актере». Этой истине в полной мере отвечает классический репертуар. Подтверждение этому автор статьи видит в театре Рейнгардта.

20. Черномор. Красота и красивость // ПГВ. — 1914. — 29 марта (N 71). — С. 3.

В отклике на «Литературный альманах» (изд. журн. «Аполлон». СПб., 1912) автор упрекает современную поэзию в самоценной декоративности: «виньетности» и «коллекционерстве красочных слов». Современная поэзия оторвана от запросов жизни. Ориентируясь на

«французских парнасцев», она утратила связь с традициями А. Пушкина и М. Лермонтова.

21. Черномор. Весной повеяло : Творчество Слезкина // ПГВ. — 1914. — 13 апр. (N 80). — С. 4.

Автор статьи противопоставляет творчество Ю. Слезкина модернистской литературе с характерной для нее «напряженной атмосферой исканий психологических тонкостей, утомительным резонерством, [и] сочинительством слов», выродившимся в «акробатизм, в ловлю парадоксов, вычурностей, в поиск аллегорий». Автор также полемизирует с рецензентом газеты «Речь», оценивающим Ю. Слезкина по «рецептам <...> либерально-философской кухни»: в его произведениях де «нет философии, нет учительства», они «легковесны». Между тем «вся свежесть, красота таланта» писателя обязана именно «отсутствию в рисуемых им картинах кабинетной идейности».

22. Ч-ин. Противоречия // ПГВ. — 1914. — 9 мая (N 99). — С. 3.

По поводу статьи в «Речи» о «Бесах» в постановке МХТ. Упреки критика «Речи» в «статичности» образа Ставрогина автор статьи считает неосновательными. Они вызывают недоумение после «прекрасных критических статей» В. Розанова и А. Вольнского. Достоевскому «не везет» у либералов не по художественным критериям, а потому, что «шедевр русского художника» наносит «удар по прошлому лево-интеллигентских течений», вскрывает их родство с «бесовщиной».

23. Черномор. Мастерство в искусстве // ПГВ. — 1914. — 21 мая (N 106). — С. 3.

Автор статьи считает, что для современной поэзии характерен «интеллектуализм», «сознательность, что шлифует каждую грань словесного построения». Сосредоточив внимание на проблемах мастерства, современная литература и живопись пришли к своего рода «академизму» новых канонов, превратив модную манеру в обязательный для всех шаблон. В результате в литературе, «если вы не наталкиваетесь на слезливо-нудную либеральщину (журнал «Современный мир»), то попадаете в ювелирно-словесные мастерские». Рассуждения автора подкреплены ссылками на творчество художников «Мира искусства», поэзию В. Брюсова, Вяч. Иванова, А. Блока, И. Северянина; исключение сделано для акмеистов С. Городецкого и Н. Гумилева.

24. Ч-ор. Ставрогинский индивидуализм // ПГВ. — 1914. — 19 июня (N 130). — С. 3.

В связи с обсуждением постановки сцен из «Бесов» в МХТ («Русская мысль», 1914, май) автор статьи предлагает свой взгляд на фигуру Ставрогина: образ героя Достоевского завершает линию демонизма, открытую в русской литературе Лермонтовым. В Ставрогине Достоевский показал «трагизм индивидуализма, личной беспочвенности, не прикрепившейся к быту нации, к идеям, выраженным Шатовым».

25. Ч-ор. Памяти Чехова // ПГВ. — 1914. — 22 июня (N 133). — С. 3.

В связи с 10-летием смерти Чехова автор размышляет о судьбе чеховского творчества: «Чехов — крупное литературное явление, но не продолженное и не имеющее начала в истоках русского искусства», он стоит «вне традиций и вне дальнейшей преемственности <...>. Создав свой стиль, [Чехов] не создал своих последователей». Чехов представлен как писатель, оторванный от национальной почвы: «русский быт, жизнь нашей провинции Чеховым не были восприняты ни душой, ни умом». Его томящиеся и бездеятельные герои («Три сестры», «Иванов») характеризуются как «щепки, оторвавшиеся от русла жизни», поскольку и сам писатель «не освоил нашего быта, его нутряной здоровой красоты. И никогда поэтому Чехову не быть народным писателем <...>. Это стало очевидно теперь, когда <...> в тех уездных городах, о которых он бытописал, пульс хозяйственной жизни <...> стал учащенно и сильно биться».

26. Ч-ин. Спор о Белинском // ПГВ. — 1914. — 29 июня (N 139). — С. 2.

Автор статьи анализирует полемику вокруг очерка Айхенвальда о Белинском, шквал критики со стороны «лево-прогрессивных изданий». «Страстный полемический тон, которым просквозжена защита [Белинского], указывает на то, что спор вышел из академических рамок, что суть здесь не в том, применен ли правильно историко-литературный метод <...> эти вопросы <...> мелки сравнительно с психологической канвой самого спора». Защищая Белинского «левобережная космополитически настроенная интеллигенция», обнаруживает «боязнь самокритики. Ведь Белинский не только лицо: он символ интеллигентского космополитизма, расплывшегося от истоков западничества 40-х годов прошлого века».

28. Ч-ор. Дорожная литература // ПГВ. — 1914. — 4 июля (N 143). — С. 2.

Характерной чертой современных путевых очерков стало «кинематографическое мелькание» поверхностных впечатлений: «вы точно стоите у <...> экрана, на котором с быстротой мчащегося поезда <...> одна картина сменяет другую <...>. Занимательность сюжетов вытеснила значительность настроений». В укор современникам автор ссылается на классические образцы жанра: «Путешествие по Италии» И. Тэна и «Старинные мастера» Фромантена.

29. Черномор. Перед лицом Сфинкса // ПГВ. — 1917. — 8 янв. (N 5). — С. 3.

Оспаривая мнение о новаторстве А. Белого в изображении «иррациональных душевных движений» («Биржевые Ведомости» о романе [«Котик Летаев»]), автор утверждает, что интерес к подсознанию — это общая тенденция времени.

Сложность человеческой души «недостаточно четко отпечаталась даже в таком ясном зеркале как поэзия Эхила, Шекспира и Пушкина», и современная философия и искусство (А. Бергсон, М. Метерлинк) предложили новый взгляд на психику человека. А Белый в этой связи предстает как мыслитель и писатель, который хотя и «склонен <...> проникать за занавес слова, за кулисы движения ума и сердца», но «обладает необычным свойством: сооружать такой причудливый мир, что в нем споткнешься, окажешься в лабиринте таинственных коридоров души, откуда выходов нет и откуда Андрей Белый вас не выведет ни с какими фонарями своей мудрости», поскольку «светит <...> так же как египетская тьма».

ЛИТЕРАТУРА

1. О судьбе архива ПГВ см. : Кустов В.А. Газета «Пермские губернские ведомости» : 1838-1917 гг. (Краеведческий очерк) / В.А. Кустов // Языки и ономастика Прикамья. – Пермь, 1973. – С. 115.
2. Подробнее о развитии местной литературной критики см. : Масальцева Т.Н. Русский литературный процесс 1890-1910 гг. в пермской периодической печати рубежа XIX-XX вв. / Т.Н. Масальцева // Вестник Поморского университе-

та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2006. – № 6. – С. 295-298; Масальцева Т.Н. Литература русского модернизма в пермской журналистике (1890-1917 гг.) / Т.Н. Масальцева // Региональные культурные ландшафты : история и современность. – Тюмень, 2004. – С. 45-47.

3. О литературно-критических работах С. Виноградова см. : Масальцева Т.Н. Сергей Виноградов – ведущий критик «Пермских губернских ведомостей» / Т.Н. Масальцева // Литературное краеведение Прикамья : Материалы научно-практической конференции. – Пермь, 2006. – С. 45-49.

4. Черномор. Хулиган и апаш в литературе // ПГВ. – 1913. – 19 июля (№ 153). – С. 3.

5. Черномор. Обывательщина и душевная бескровность // ПГВ. – 1913. – 11 авг. (№ 170). – С. 3.

6. Черномор. Умер ли быт? // ПГВ. – 1913. – 22 янв. (№ 18). – С. 2.

7. Там же.

8. Чубин. Два слова о современном человеке // ПГВ. – 1914. – 11 марта (№ 56). – С. 3.

9. Черномор. Обывательщина и душевная бескровность // ПГВ. – 1913. – 11 авг. (№ 170). – С. 3; Ч-ор. Памяти Чехова // ПГВ. – 1914. – 22 июня (№ 133). – С. 3.

*Абашев В.В.
Пермский государственный университет
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики филологического факультета.
e-mail: vv_abashev@mail.ru*

*Abashev V.V.
Perm State University
Doctor of philology, professor, head of department of journalism at the faculty of philology.*

*Абашева М.П.
Пермский государственный педагогический университет
Доктор филологических наук, профессор кафедры новейшей русской литературы, декан филологического факультета.
e-mail: m.abasheva@gmail.com*

*Abasheva M.P.
Perm State Pedagogical University
Doctor of philology, professor of department of contemporary Russian literature, dean of the faculty of philology.*